

Глава X ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА 1994—1996 гг.

*Борис Кашиников
Бруно Коппитерс*

Утром 11 декабря 1994 г. подразделения Министерства обороны и Министерства внутренних дел России в составе 23 700 человек, 80 танков и 208 бронемашин пересекли границу Чеченской Республики¹. Так началась кампания по подавлению установившегося в Республике режима президента Джохара Дудаева. За месяц до этого российский министр обороны Павел Грачев заявил, что один десантный полк завершит всю операцию не более чем за два часа². Реалии войны опровергли это заявление. Война продолжалась более полутора лет. Она унесла десятки тысяч жизней, разрушила экономическую и социальную инфраструктуру Чеченской Республики, появились сотни тысяч беженцев. Кроме того, она стала одним из главных факторов дестабилизации российского государственного бюджета и ослабления российской экономики. Мирное соглашение, подписанное в августе 1996 г., оказалось временным и не предотвратило возобновления боевых действий. Новая война разгорелась в сентябре 1999 г.

1. ЧЕЧНЯ: НАРОД И ИСТОРИЯ

Чечня (площадь около 16 тыс. кв. км) расположена на Северном Кавказе, к северу от Кавказского хребта. Этот хребет отделяет Российскую Федерацию от южнокавказских республик Азербайджана, Грузии и Армении. В состав Российской Федерации входят несколько республик Северного Кавказа. Каждая из них является родиной одной или нескольких национальных общин. Чеченская Республика граничит с республиками Ингушетия и Дагестан, а

¹ *Dunlop J.B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 209.

² *Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven and L.: Yale University Press, 1998. P. 88.

покинули около 600 тыс. человек, из которых значительная часть погибла на пути в Турцию¹. Но даже и после этого российские власти не смогли подчинить чеченскую общину. Периодически вспыхивали восстания против русского владычества, которые неизменно и очень сурово подавлялись. Помимо того, в регионе сохранялась высокая степень беззакония. Литература XIX в. сообщает о часто случавшихся в этих местах похищениях путешественников. Традиция абречества не может быть объяснена одним только сопротивлением российской оккупации. Идея государственной власти как таковая оставалась чуждой чеченской политической культуре².

Чечня сохранила свой мятежный нрав также и в составе СССР. Сталинские репрессии 1930-х гг. сотрясли все советское общество, но репрессии в отношении чеченцев были особенно суровы³. К началу Второй мировой войны Чечня лишилась своей образованной элиты. В 1944 г. чеченцы были обвинены в коллективной поддержке германского вторжения и наказаны депортацией в Казахстан и Киргизию. По оценкам, около четверти чеченского населения погибло во время депортации и последовавшей эпидемии сыпного тифа.

В 1957 г. чеченцы были реабилитированы новым советским лидером Никитой Хрущевым. Было заявлено, что сотрудничество с германским оккупационным режимом было действием отдельных индивидов и их вина не может быть возложена на весь народ. Чеченцам разрешили вернуться в свои дома. С целью развития чеченского земледелия к Чечне были присоединены обширные населенные русскими земли к северу от реки Терек. Относительная стабильность в СССР после 1956 г. проявилась и в сравнительной стабильности на Северном Кавказе. Но интеграция чеченской общины в советское общество шла очень трудно⁴. Некоторые чеченцы сделали блестящую карьеру в советском военном, партийном и правительственном истеблишменте. Советское руководство предпринимало серьезные усилия по модернизации экономики

¹ Dunlop J.B. Op. cit. P. 29—30.

² См.: Sakwa R. Chechnya: The Pre-Politics of Closure // Contextualizing Secession: Normative Studies in a Comparative Perspective / Eds. B. Coppieters and R. Sakwa. Oxford: Oxford University Press, 2003 (в производстве).

³ Dunlop J. B. Op. cit. P. 53—56.

⁴ Об этом см.: Ibid. P. 85—87.

стане, а также в большинстве республик Советского Союза. Декларации о суверенитете выражали желание местного руководства и населения ослабить зависимость от Москвы путем обретения равного с федеральным центром статуса. В то время требование суверенитета означало, что Чечня стремится к признанию своих высших государственных полномочий, не отказываясь от своего статуса как части Российской Федерации и Советского Союза. Суверенитет не означал полной независимости. Чечня продолжала участвовать в федеральных государственных структурах. Принимая это во внимание, население Чечни сделало выбор в пользу участия в советских и российских выборах и референдумах.

Однако политическая ситуация в Республике изменилась под влиянием сильного внутреннего националистического движения и избрания в декабре 1990 г. председателем Чеченского Национального Конгресса Джохара Дудаева — этнического чеченца, генерал-майора авиации, командовавшего подразделением советских ядерных бомбардировщиков в Эстонии¹). Чеченский Национальный Конгресс выступал против русского владычества в регионе и оспаривал легитимность Верховного Совета Чеченской республики, в котором доминировали коммунисты. В сентябре 1991 г., вскоре после поражения ГКЧП, Верховный Совет Чеченской Республики был разогнан в результате восстания. К власти в Грозном пришел Джохар Дудаев. Его «национальная гвардия» взяла штурмом парламент и заставила правительство уйти в отставку. Парламентариев вынудили принять резолюцию о роспуске парламента и назначении новых выборов. В октябре прошли парламентские и президентские выборы. Российские власти выразили протест против этого переворота и отказались признать действительными результаты сфабрикованных выборов октября 1991 г. Но новые чеченские власти не собирались сдаваться. В ноябре была провозглашена независимость республики и в следующем году была принята новая чеченская конституция.

В последующие два года провалились все попытки российских и чеченских представителей прийти к взаимному соглашению. Чечня осталась в дипломатической изоляции, так как ни одна страна не признала ее независимость. Мятежная республика воспринималась Москвой как серьезная угроза безопасности для

¹ *Lieven A.* Op. cit. P. 58.

висимых государств были признаны союзные республики, но отнюдь не этнические республики и регионы, входившие в их состав. Нормы международного права в отношении легитимности борьбы антиколониальных движений считались неприменимыми в этом контексте. Понятие незаконной оккупации также не подходило для Чечни, поскольку российская власть в этом регионе продолжалась более трех столетий. Совсем иначе обстояло дело, например, в Прибалтике, где независимые государства Эстония, Латвия и Литва были незаконно оккупированы Советским Союзом в 1940 г.

Отсутствие признания независимости Чечни со стороны международного сообщества отнюдь не означает, что чеченские устремления не были основаны на весомых этических доводах. Легитимность одностороннего провозглашения независимости может опираться на серьезные этические доводы, которые международным правом могут и не признаваться. Ниже мы рассмотрим, в какой степени это касалось Чечни. В нормативной теории о сецессии (отделении) различают два вида аргументов, которые могут быть использованы в этом контексте¹. Как будет показано, ни один из них не подходит для Чечни.

Согласно одной точке зрения, право на самоопределение является неоспоримым для любой нации. Эта универсалистская аргументация была использована сецессионистским движением Чечни. Но даже те политические философы, которые поддерживают эту точку зрения, отнюдь не считают независимость единственно приемлемым выражением этого права. В большинстве случаев существуют легитимные и эффективные альтернативы отделению. Одна из них — федеративный статус в многонациональной федерации, который российские власти действительно предлагали Чечне. Но президент Дудаев отверг эту альтернативу и отказался даже обсуждать ее с российскими властями. Он никогда так и не дал серьезного обоснования, почему федеративные отношения, подобные тем, которые были установлены между Россией и Татарстаном, были неприемлемы для Чечни. Единственное приводимое соображение имело чрезвычайно догматический характер. Дудаев заявил, что провозглашенный новой чеченской конституцией су-

¹ См.: National Self-Determination and Secession / Ed. M. Moore. Oxford: Oxford University Press, 1998.

приведший к независимости России в конце 1991 г. Новое руководство во главе с Борисом Ельциным гарантировало права и привилегии различных этнических групп, составляющих этнические республики в составе Российской Федерации, и углубило федеративные реформы. Последние были предметом серьезных переговоров между центром и различными субъектами Федерации. Разумеется, демократизация и федерализация в стране, история которой характеризовалась авторитарной властью и отсутствием прочных традиций правового государства, проходили не так гладко. Но чеченское руководство, однако, никогда не выдвигало серьезных аргументов в доказательство неприемлемости подобных демократических и федеративных альтернатив. По этой причине односторонняя декларация независимости, принятая чеченским парламентом в ноябре 1991 г., не может рассматриваться как этически правильная согласно второму нормативному подходу к вопросу об отделении.

Оба нормативных подхода к вопросу об односторонних формах отделения имеют следующие характеристики. Во-первых, они оба привержены той точке зрения, что независимость должна быть поддержана очевидным большинством или даже подавляющим большинством населения. Во-вторых, они требуют чтобы тип политического режима, устанавливаемого новым государством, был более демократическим, миролюбивым, плюралистичным и более следовал власти закона по сравнению с тем государством, от которого оно отделяется. Ни одно из этих требований не было удовлетворено с принятием чеченской декларации независимости в 1991 г. Чеченское население и политическая элита были сильно разобщены в вопросе, должна ли республика остаться частью России, и было неясно, какая позиция может получить большинство голосов. Референдум о независимости так и не был проведен, а выборы, приведшие Дудаева к власти в 1991 г., не могут быть названы демократическими по своей природе¹. Парламентская система, установленная новой конституцией, оказалась нежизнеспособной. Дудаев силой подавлял оппозицию, и политические конфликты между соперничающими группами нередко разрешались с помощью силы. Политические убийства стали обычной

¹ См.: *Gall C., De Waal T. Chechnya. A Small Victorious War.* L.; Basingstoke: Pan Books, 1997. P. 99; *Хасбулатов Р.* Чечня: мне не дали остановить войну. М.: Палей, 1995.

ными и демократическими средствами. А потому, что чеченские власти исключили мирный и демократический путь. Они не использовали демократические процедуры при провозглашении независимости Чечни, приостановили работу чеченских демократических институтов и подавили всякую оппозицию своей власти. Кроме того, они отказались вести какие-либо серьезные переговоры с российским правительством, утверждая, что суверенитет неделим и не является предметом переговоров. Отказ принять во внимание демократические процедуры и интересы большинства многонационального населения Чечни и самой России следует считать несправедливым.

Вторым оправданием начала войны, используемым российским правительством, была борьба с преступностью и восстановление закона и порядка в Российской Федерации. С распадом государственных структур на просторах Советского Союза повсеместно восторжествовало беззаконие. Чечня не являла собой исключения, она стала пристанищем преступников со всего советского пространства¹. Это обвинение подтверждают описания многих наблюдателей². Некоторые описывали дудаевскую Чечню как мечту мафиози. Дудаев окружил себя людьми с криминальным прошлым. Он организовал перевод в Чечню преступников-чеченцев, содержащихся под стражей в других частях Северного Кавказа, и затем освободил их³. Его национальная гвардия состояла в основном из уголовников. Преступники и находящиеся под следствием в российских судах занимали высокие официальные посты в чеченском государстве⁴. Незаконный бизнес, поддерживавшийся чеченским режимом, стал главным источником доходов для чеченского руководства. Именно это объясняет, почему режим Дудаева, лишенный поддержки значительной части населения, смог просуществовать так долго. Чеченские власти были терпимы к грабегам и хищениям, совершаемым чеченцами за границами республики⁵. Проходящие через Чечню поезда подвергались напа-

¹ Об этом обвинении см.: Чечня. Криминальный режим. 1991—1995. М.: Кодекс, 1995; *Искандарян А.* Чеченский кризис: Провал российской политики на Кавказе. С. 15; Чеченский кризис: Испытание на государственность. М.: Кодекс, 1995.

² Об этом см. также: *Dunlop J.B.* Op. cit. P. 124—163.

³ *Lieven A.* Op. cit. P. 61—62.

⁴ Чеченская трагедия: кто виноват. М.: Новости, 1995. С. 30.

⁵ Об этом см.: *Dunlop J.B.* Op. cit. P. 123—134.

российского вмешательства во внутречеченский конфликт. Российские власти фактически оказали значительную военную помощь чеченской оппозиции. Это последовало после провала попытки восстановить закон и порядок в Чечне посредством прямой интервенции. Российские войска были брошены в Чечню 8 ноября 1991 г., но они были малочисленны (300 человек) и легко вооружены. Им пришлось сдаться чеченским войскам без боя. В дальнейшем интервенция стала невозможной в силу конфликта российского Президента Ельцина и советского Президента Горбачева. Российская Федерация в это время боролась за большую автономию от советского центра, что вело к противоречивой политике в отношении Чечни. Горбачев приказал армии оставаться нейтральной в этом конфликте и отказался ввести военное положение. Дудаев начал активно вооружать своих сторонников, и российские власти сделали выбор в пользу активной поддержки и даже вооружения оппозиции Дудаеву. В то время популярность чеченской власти быстро падала. Национальная интеллигенция и предприниматели выражали все большее недовольство плохим управлением в республике. Оппозиция чеченскому правительству была особенно сильна в северных равнинных районах. Она нашла свое выражение и в местном парламенте. В июне 1993 г. Дудаев решил подавить сопротивление своей власти путем роспуска парламента, городского собрания Грозного и конституционного суда. Здание городского собрания подверглось штурму сторонниками Дудаева, а конституционный суд Чечни был заменен коллегией судей, которые назначались Дудаевым.

Но установление личной диктатуры не сломило оппозицию. Недовольство главных чеченских кланов росло. Такие районы, как Надтеречный и Урус-Мартановский, не признавали власть Дудаева. В июне 1994 г. более 2 тыс. делегатов всех районов Чеченской Республики организовали конгресс по инициативе оппозиционного Временного Совета. Конгресс потребовал отставки Дудаева и проведения новых выборов. В июле и августе 1994 г. Временный Совет создал новые вооруженные формирования, которые получили вооружение и амуницию от российских властей. Тогда Москва решила использовать *полусиловой* вариант. Это предполагало вооружение чеченской оппозиции без прямого вмешательства Российской армии. Но войска Дудаева нанесли оппозиции серию тяжелых военных поражений. Прямое участие российского воен-

3. КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

Как уже отмечалось, бескомпромиссная позиция чеченского руководства во главе с Дудаевым, выразившаяся в одностороннем провозглашении независимости, была несправедливой, поскольку она не принимала во внимание ни интересы многонационального населения самой Чечни, ни интересы России. Также выше говорилось, что усилия федерального правительства, направленные на борьбу с преступностью, соответствовали принципу правого дела. Однако это не означает, что две правые цели могли служить оправданием полномасштабной войны против мятежной республики. Дело в том, что оправдание войны необходимостью защиты территориальной целостности России и восстановления законности и порядка не выглядит особенно убедительным в свете принципа крайнего средства. К моменту российского вторжения Чечня фактически уже была независимой более трех лет. Трудно найти какое-либо оправдание для внезапного применения силы в конце 1994 г. К моменту российского вторжения было уже совершенно ясно, что другие республики не намерены последовать примеру сепаратистского руководства Чечни. Расползание чеченского сепаратизма на другие республики Северного Кавказа было маловероятно в ближайшей перспективе. Более того, имелись многочисленные свидетельства быстрой утраты популярности Дудаева в самой Чечне. Время работало на российское правительство, и имелись более предпочтительные альтернативы войне.

Следует отметить, что московское руководство оказалось неспособно ни создать условия для поиска этих альтернатив, ни начать плодотворные переговоры с чеченским руководством. Российская реакция была замедленной в силу внутренних раздоров. В 1991 г., когда Дудаев пришел к власти и провозгласил независимость, в Москве шла острая борьба между советским и российским правительствами. Тот факт, что центральное правительство оказалось слабым и неспособным адекватно реагировать на события в Чечне, объясняется конфликтом между Президентом СССР Михаилом Горбачевым и Президентом РСФСР Борисом Ельциным, который закончился с распадом Советского Союза в 1991 г.

С появлением независимой России ее чеченская политика была вновь парализована — на этот раз конфликтом между президентской властью и парламентом. После насильственного роспуска парламента Ельциным в октябре 1993 г. российский президент не

под руководством Эмиля Паина и Аркадия Попова предложил вторую альтернативу, которая могла использоваться в сочетании с предыдущей. Они полагали, что использование экономической блокады могло бы заставить чеченское руководство пойти на компромисс. Установив таможенный, налоговый и полицейский кордон вокруг границ Чечни, Россия могла бы продемонстрировать неприемлемость одностороннего провозглашения независимости¹. Но такая стратегия предполагала способность российских властей ввести эффективную блокаду. Российские власти уже провозглашали блокаду, как только Дудаев захватил власть, но она была безрезультатна². Тот факт, что в предшествующие войне годы российская нефть продолжала циркулировать через Чечню и что самолеты взлетали и садились в грозненском аэропорту без всякого таможенного досмотра со стороны России, свидетельствует о неспособности российского правительства обеспечить стратегию блокады.

Второе оправдание российских властей для использования военных средств, связанное с необходимостью борьбы с преступностью, выглядит убедительно с точки зрения принципа правого дела, но отнюдь не принципа крайнего средства. Дудаев действительно превратил Чечню в мечту мафиози. Однако следует учитывать, что именно всепроникающая коррумпированность и криминальность в российском руководстве, государстве и обществе способствовали криминализации Чечни. Превращение Чечни в крупнейший черный рынок бывшего Советского Союза было плодом совместных усилий коррумпированных чиновников и бизнесменов России и Чечни. Переводимые Москвой в Чечню пенсии и субсидии исчезали, и было невозможно сказать, в какой степени в этой краже повинны российские чиновники, а в какой — чеченские. Происходившие в Чечне ограбления поездов могли быть осуществлены только при поддержке преступных групп и коррумпированных чиновников из России, в частности из Москвы. Грабители, как правило, заранее знали, что будет перевозить тот или иной поезд. Даже незаконная торговля оружием осуществлялась чеченскими группировками при содействии чиновников оборонного ведомства.

¹ Чечня. Криминальный режим. 1991—1995. С. 220.

² Gall C., De Waal T. Chechnya. A Small Victorious War. P. 127.

Кремле, когда российские власти решили прибегнуть к военной интервенции. Стиль руководства правительства Ельцина можно без преувеличения охарактеризовать как ядовитую смесь импровизации, интриг и коррупции. Более того, следует также принять во внимание, что «добрые намерения» могли быть смешаны с иными намерениями. Поэтому следует определить относительный вес всех этих намерений в процессе принятия решения начать войну.

В декабре 1994 г. российское правительство заявило, что оно использует вооруженную силу в Чечне с намерением сохранить территориальную целостность страны, восстановить закон и порядок в регионе и разоружить вооруженные формирования. Литература о чеченской войне не дает оснований усомниться в истинности первых двух утверждений. В этом смысле принцип добрых намерений представляется соблюденным. Что касается третьей цели (разоружение всех вооруженных групп), российские власти предприняли значительные усилия по включению вооруженных формирований оппозиции в свои собственные полицейские силы. Это означает, что принцип добрых намерений также был удовлетворен и здесь. Но исчерпывающий анализ применения принципа добрых намерений требует ответа на следующий вопрос. В какой мере решение начать вторжение в Чечню могло быть спровоцировано иными намерениями?

Некоторые политические наблюдатели утверждают, что военные действия были развязаны с совсем иными намерениями, нежели те три, которые провозгласило российское правительство. Они отнюдь не отрицают, что российское правительство имело намерение сохранить территориальную целостность Российской Федерации, восстановить закон и порядок или разоружить вооруженные группы. Но были и иные, более сильные и решающие намерения. Первое из них имеет отношение к преступности. Некоторые обозреватели полагают, что роковое решение развязать войну было результатом утраты российскими криминальными группировками возможностей нелегальной торговли через территорию Чечни¹. Другие авторы дают похожее объяснение, подчер-

---

¹ Государства Балтии и Кавказ составляют два главных маршрута нелегальной торговли стратегическими материалами из России. Решение чеченских властей установить свой контроль над этой выгодной торговлей могло стать главным мотивом российского решения об использовании силы. См.: *Усманов Д.* Непокоренная Чечня. М.: Парус, 1997. С. 155.

зультатам опросов, проведенных между 16 и 20 декабря, через несколько дней после начала интервенции 36% респондентов заявили о своей приверженности мирному решению конфликта, 23% — о необходимости немедленного вывода российских войск из Чечни и только 30% поддержали «решительные меры по наведению порядка в Чечне». Месяц спустя 77% респондентов были против продолжающихся бомбардировок Грозного¹. Война оставалась крайне непопулярной до самого ее конца. Если Ельцин и его советники намеревались использовать войну с Чечней для подъема популярности правительства, они допустили ошибку.

Некоторые обозреватели подчеркивали геополитические намерения в этой войне. В 1994 г. западные и российское правительства вступили в ожесточенное соперничество по поводу эксплуатации новых каспийских месторождений нефти и маршрутов нефтепроводов. Западные правительства предпочитали западный маршрут — из Азербайджана через Южный Кавказ к Черному морю в обход территории Российской Федерации, в то время как российское правительство предпочитало северный маршрут — через Северный Кавказ к черноморскому порту Новороссийск. Северный нефтепровод должен был пролегать через Чечню. В соответствии с этим геополитическим объяснением Кремль вторгся в Чечню с главным намерением укрепления российских позиций в «великой игре» за каспийскую нефть. Для осуществления этого намерения было необходимо восстановить свою власть в регионе путем подчинения мятежной республики.

Как следует оценить это объяснение? Геополитические соображения, несомненно, играли роль в защите Россией своей территориальной целостности. Но весьма трудно доказать, что именно это намерение определило решение российского правительства начать войну. Экономически и политически было бы гораздо дешевле построить нефтепровод в обход непокорной Чечни, нежели пытаться восстановить закон и порядок посредством силы.

Можно сделать вывод, что применение принципа добрых намерений к российскому решению о вторжении в Чечню не дает достаточного права усомниться в существовании добрых намерений бороться против преступности и разоружить все чеченские

¹ *Lieven A.* Op. cit. P. 196—197.

Российская Конституция не дает субъектам Федерации права на отделение¹. Отделение признается неконституционным согласно ст. 65, перечисляющей различные субъекты Федерации, включая Чечню, и ст. 4, гласящей, что Российская Федерация защищает свою территориальную целостность и распространяет свой суверенитет на всю территорию. Таким образом, сепаратизм запрещен, но ни Конституция, ни другие российские законы ничего не говорят о методах борьбы с ним. Тем не менее Закон о чрезвычайном положении 1991 г. (в соответствии с этим чрезвычайное положение вводится Президентом, который должен поставить об этом в известность обе палаты парламента) допускает использование силы в таких случаях. Совет Федерации может выразить несогласие Президенту, аннулировать и отменить его постановление. Президент Ельцин уже издавал постановление «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской республике» 7 ноября 1991 г. (после принятия чеченской декларации независимости)². Но, предвидя массовое сопротивление населения Чечни и оппозиции в лице влиятельных демократически ориентированных членов российского парламента, тогдашний Верховный Совет Российской Федерации аннулировал декрет в тот же день. Помня об этих трудностях, Ельцин более не предпринимал попытки ввести чрезвычайное положение во время первой чеченской войны³. Это означает, что война велась в правовом вакууме. Сторонники войны ссылались на конституционный запрет сепаратизма, а противники указывали, что ввод военных сил в Чечню не санкционирован российской законодательной властью.

Не удивительно, что в этих обстоятельствах произошла следующая дискуссия. Депутат Совета Федерации Виктор Курочкин заявил генералу Бабичеву, который возглавлял одну из колонн направляемых в Чечню войск: «Не забывайте, генерал, что, выполняя незаконный приказ, вы лишаетесь защиты закона. На вас одного будет возложена ответственность. Мне поручено просить

¹ См.: Михайловская И. Существует ли правовое поле для оценки чеченской ситуации // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. С. 28—35; Петрухин И. Правовая оценка военного конфликта в Чечне // Там же. С. 10.

² Dunlop J.V. Op cit. P. 115.

³ Кроме того, сомнительно, что Закон о чрезвычайном положении позволил бы вести военные действия такого масштаба, включая массированное использование армии и авиации вместо внутренних войск, как это было в Чечне.

ошибочной как по концепции, так и по исполнению. В январе 1995 г. он публично осудил министра обороны П. Грачева за «моральную трусость». По его мнению, Грачеву следовало сказать Президенту, что армия не готова к войне с Чечней. Наряду с Воробьевым предположительно более 500 офицеров подверглись взысканиям, были уволены или добровольно ушли в отставку по причине своего несогласия с Чеченской войной.

Без сомнения, решение федеральной власти применить силу в Чечне встретило в России сильное сопротивление. По мнению оппозиции, при принятии решения не был соблюден принцип легитимной власти. И это действительно было так, учитывая, что не были соблюдены конституционные процедуры, требующие согласия Совета Федерации. Принцип легитимной власти не был соблюден также ни с моральной, ни с политической точки зрения, поскольку руководство страны не дало ясно понять, что оно принимает на себя всю ответственность за принятые решения и их последствия. Это привело к тяжелому кризису в российской армии — наиболее тяжелому кризису со времен создания советской страны, который не смог быть преодолен правительством. Неспособность правильно применить принцип легитимной власти можно считать одной из главных причин военного поражения.

6. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

Решение о вторжении в Чечню было принято в большой спешке, необдуманно, в запутанной обстановке и при недостаточной информации. Не ясно, почему российское руководство решило нанести удар именно в это время. К тому же этот удар был совершенно ошибочен с чисто военной точки зрения. Российское руководство было убеждено в своем военном превосходстве в живой силе и вооружении. Действительно, чеченские вооруженные силы были невелики. Дудаев мог рассчитывать на поддержку не более 20 тыс. вооруженных чеченцев¹. Однако во время войны он не мог бы мобилизовать одновременно свыше 3 тыс. бойцов, за исключением заключительной контратаки на Грозный в августе 1996 г., когда их численность могла достигать 6 тыс.²

¹ *Lieven A.* Op. cit. P. 89.

² *Ibid.* P. 4.

российский солдат продавал реактивные гранаты чеченским посредникам примерно за тысячу долларов. В другом случае высокопоставленный офицер предлагал чеченцам купить боевой танк Т-80, списав его как военную потерю¹. Подобного рода сделки превращали в насмешку провозглашенную Россией цель разоружения бандитских формирований.

Высокая степень централизации командования также дорого обошлась российской армии в Чечне. Если в тяжелой технике не было недостатка, то, средства связи, в том числе на поле боя, были из рук вон плохи. Изолированные подразделения бесцельно перемещались, нередко сталкиваясь друг с другом. Отсутствие координации между различными службами дополнялось чрезвычайно неуклюжей командной структурой. Министерства обороны и внутренних дел то и дело вступали в конфликт друг с другом. Система снабжения была столь ужасна, что солдаты не имели даже питьевой воды. В условиях холодной зимы лишь у немногих были хорошие ботинки и перчатки. Некоторые были вынуждены есть бродячих собак. По мнению Карлотты Галл и Томаса Де Ваала, на каждого русского солдата, убитого чеченцами, приходилось пять погибших по причине халатности и в силу иных причин².

7. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*AD BELLUM*)

Разумеется, российскому правительству было трудно найти альтернативу использованию силы, поскольку чеченское правительство отказалось вести переговоры. К тому же российское государство было слишком слабым и коррумпированным для осуществления невоенных мер, например карантина, в отношении отколовшейся республики. К сожалению, применение силы федеральным правительством имело несоразмерный характер. Использование вооруженной силы было обречено еще более усугубить ситуацию. Во-первых, война не могла улучшить положение тех граждан, которые уже покинули республику в массовом порядке. Она не

¹ *Siren P.* The Battle for Grozny: The Russian Invasion in Chechnya, December 1994 — December 1996 // *Russia and Chechnya: The Permanent Crisis* / Ed. B. Fowkes. N.Y.: St. Martin's press, 1998. P. 123.

² *Gall C., De Waal T.* Op. cit. P. 208.

вания, проведенные российским правозащитным центром «Мемориал» и такими гуманитарными организациями, как «Врачи без границ»¹. Наряду с этим немалую роль сыграла Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и такие личности, как российский правозащитник и политик Сергей Ковалев. Главным образом благодаря их работе и публикациям многочисленные нарушения прав человека как российской, так и чеченской стороной хорошо задокументированы. Это были следующие нарушения:

- 1) неизбирательное ведение огня по населенным районам и сознательные нападения на гражданские объекты;
- 2) использование вооружений, которые являются неизбирательными по самой своей природе (например, зажигательные авиабомбы и реактивные системы залпового огня) в густонаселенных районах;
- 3) создание затруднений для выхода гражданских лиц из осажденных городов и деревень;
- 4) разграбление собственности гражданских лиц;
- 5) незаконные аресты и казни гражданских лиц;
- 6) жестокое и унижающее достоинство обращение с задержанными, включая использование пыток;
- 7) негуманное обращение и казни военнопленных.

Что касается военной тактики чеченцев, то они провоцировали российские войска, обстреливая их из населенных районов, используя больницы, школы и даже детские сады для укрытия своих штабов и создания оборонительных систем. Федеральные силы нередко отвечали беспорядочным огнем, не думая о жизни гражданских лиц, которую они подвергали риску. Чеченские борцы за независимость нарушали международное гуманитарное право, захватывая заложников и используя пленных в качестве живого щита. Гражданские лица также использовались с этой целью, когда чеченские войска запрещали им покидать города или села, блокированные федеральными силами.

Провокации чеченцев, ужасные военные условия и огромные потери, которые несли российские солдаты, оказали катастрофическое влияние на их и без того низкий боевой дух. Вследствие

¹ О докладах организаций «Врачи без границ» и ОБСЕ см.: *Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power*. P. 132—135.

касается чеченских мужчин, им нередко запрещалось покидать села.

Российские и международные группы по соблюдению прав человека собрали значительное количество достоверных сведений о широком распространении пыток и других жестоких и негуманных наказаний чеченцев военнослужащими Российской армии и внутренних войск. Эти нарушения, идущие вразрез с нормами гуманитарного права, включали избиения военнопленных и невооруженных гражданских лиц, подозреваемых в связях или поддержке боевиков. Заключенные обычно содержались в фильтрационных лагерях и неофициальных местах заключения. Правовой статус фильтрационных лагерей не был определен. Когда они создавались, руководство не позаботилось о предоставлении задержанным хотя бы подобия сносных жизненных условий. Задержанные содержались, например, в подвалах в полной темноте. Им не предоставлялась медицинская помощь, даже если они были ранены. Многие из освободившихся узников фильтрационных лагерей жаловались на применение пыток.

В российской прессе имеются отчеты о случаях, когда недисциплинированные, часто нетрезвые, представители федеральных сил занимались кражами, грабежом, вандализмом, насилиями и убийствами. Задокументировано немало случаев, когда младшие офицеры и простые солдаты совершали немотивированные зверства, направленные не только против чеченского населения, но и против русских гражданских лиц, проживавших в Грозном и других частях Чечни.

Армейское командование предпринимало некоторые попытки заставить военных следовать гуманитарному праву. Официальный документ, изданный федеральным военным штабом в феврале 1995 г., определяет права и обязанности военных, дислоцированных в Чечне, и их отношения с местным населением. Он приказывал солдатам следовать международному гуманитарному праву. Поступать иначе означало бы, согласно документу, дискредитировать страну, помогать врагу и провоцировать непредсказуемые последствия. Законными целями ударов признавались только военные объекты, которые определялись следующим образом:

- 1) незаконные военные формирования, но не их медицинский и религиозный персонал;
- 2) военные базы, здания и районы размещения незаконных военных формирований;

Чечней не сулили успеха прочному соглашению. Но, как кажется, принцип правого дела был на стороне России. Что касается принципов различия и соразмерности в ходе войне (*jus in bello*), то они попирались — и притом вопиющим образом. Чечня в эти годы стала ареной жесточайших актов войны, включая печально известное использование пыток со стороны представителей Российской армии.

В августе 1996 г. российско-чеченская война закончилась Хасавюртовским соглашением, подписанным секретарем Совета Безопасности российским генералом Александром Лебедем и чеченским полевым командиром Асланом Масхадовым, который сменил Дудаева на посту предводителя сторонников независимости Чечни после его гибели в апреле 1996 г. По этому соглашению, вопрос о политическом статусе замораживался до 2001 г. Обе стороны надеялись, что этого времени будет достаточно для создания более прочной базы для политических переговоров¹. Но эти ожидания не оправдались. Чечня не только не смогла преодолеть дипломатическую изоляцию — она была признана только правительством талибов в Афганистане в 1999 г., она также не сумела создать свою государственность. Центральная власть осталась разделенной между враждующими вооруженными группировками. Чеченское правительство не контролировало свою территорию. Чечня стала представлять угрозу для безопасности соседних стран и регионов. Распространялась преступность, в стране начали пускать корни радикальные формы исламского фундаментализма. Распространение получили частные формы военных действий. Некоторые чеченские военные формирования попытались захватить часть территории соседней российской Республики Дагестан. Все эти факторы привели ко второму вторжению российских войск в Чечню, которое началось в сентябре 1999 г.

---

¹ См.: Walker E. W. Constitutional Obstacles to Peace in Chechnya // East European Constitutional Review. Winter 1997. Vol. 6, №. 1. Воспроизводится в Интернете (<http://socrates.berkeley.edu/~bsp/caucasus/articles/const.html>).